

— В Ленинграде мне пришлось проторчать ещё несколько дней просто из-за того, что не смог достать билет домой на более ранний срок. Съездил в Сестрорецк, навестил дядю Вову в больнице. Он оклемался, чувствовал себя уже неплохо и готовился к выписке. Тётя Тамара ожила и повеселела.

— Пару дней я потратил на попытки встретиться с Сашкой Шабровым - чего-то вдруг загорелся целью разыскать и повидать его. Координаты его у меня были заведомо старые, пришлось обращаться в справочное, и там, как ни странно, мне дали (через четыре часа) и телефон его домашний, и адрес. По телефону я никак не мог никого застать дома, наконец, вышел на Владимира Ивановича - его отца, старого теперь уже. Он вроде бы меня вспомнил. Сказал, что Сашка ушёл в гости с женой, что вообще он чрезвычайно занят в институте, через три дня уезжает в ГДР, а завтра отправляет сына в пионерлагерь, и что увидеть его в эти дни, наверное, не получится. Я, однако, попросил передать, что позвоню ещё завтра вечером.

— Когда я позвонил на следующий день, трубку опять взял Владимир Иванович и начал было мне плести, что Сашки (Александра Владимировича) нет дома, но тут подошёл он сам, перехватил трубку, и я, наконец, услышал его голос:

— Привет! Ты прости меня, я тут действительно замотался. Приходи завтра в институт к двенадцати, к главному входу, что на улице Льва Толстого.

— Договорились.

— И назавтра в двенадцать я был в назначенном месте. Сашки, однако, там не было. Я подождал минут десять, а потом вошёл в подъезд. Вокруг сновали студенты, гардеробщик направил меня в отдел кадров, тут же рядом, на первом этаже. Там я спросил:

— Вы не подскажете, как мне Шаброва найти, Александра Владимировича? Он здесь где-то работает.

— Как же, как же. Пройдите на четвёртый этаж в деканат факультета для иностранных студентов. Он там, наверное.

— Я поднялся в деканат и уже в предбаннике увидел Сашку в белом халате, облепленного студентами всевозможных рас и национальностей. Все они размахивали кто зачётками, кто справками, кто заявлениями, то есть все махали бумажками, галдели и чего-то требовали. Тут я догадался - конец июня! Последние дни сессии, через два дня летние каникулы, самая суматошная пора и для студентов и для преподавателей. Решаются жизненно важные вопросы: о практике, о пересдачах, о стипендии, об общежитии...

— Сашка, увидев меня, обрадовался, оторвался на время от студентов и попросил подождать минут пять, по прошествии которых мы сбежали с ним куда-то на задворки института, где и посидели спокойно полчаса. Сашка внешне мало изменился, лысина только что расплзлась, и он её больше не скрывал. По его словам я ещё меньше изменился.

— Он - декан этого самого иностранного факультета, замучался со студентами, а послезавтра в командировку в ГДР надо ехать, второй раз уже. Я подарил ему автореферат своей диссертации. Сашка посетовал, что из-за административной работы его докторская не движется, но он тем не менее собирается её написать. Пожалели, что не удалось "раскрепоститься", договорились встретиться осенью, когда я приеду рассылать автореферат или уже на защиту. Посидим по-настоящему, выпьем, поболтаем. Сашка проводил меня до трамвая.

— Молодец, что нашёл меня! Очень рад был тебя увидеть.

— И мы распрощались.

В тот же день нас с Лариской ждал к себе в гости отец Ианнуарий. Добрался я к нему на Народную в шестом часу весь взмыленный и сразу полез под душ. Тут и Лариска

подошла. Отец Ианнуарий выставил из холодильника на письменный стол запотевшую бутылку водки и бутылку сухого, я принёс коньяк. На столе появились ветчина, сыр, салат из свежих огурцов и зелёного салата, молодая обжаренная картошка. Разговор недолгое время шёл на общие темы - как дети у нас с Ларисой, кого видели из знакомых и т.п. Но я не за этим же сюда ехал и вскоре приступил к "делу", которое состояло в том, чтобы задать отцу Ианнуарию два вопроса: "Что такое грех?" и "Что такое первородный грех?"

— Вот что он мне ответил.

— Грех это собственное ощущение вины, несвободы. Первородный грех - ощущение вины чужих в себе, взаимосвязанности всех в этом мире, но в православии этим понятием не пользуются.

— Вины в чём, в нарушении заповедей? - спросила Лариска.

— Все нет. Христианская религия не обязует соблюдать заповеди. Она не является религией закона, как иудейская, а основывается на вдохновении, личной убеждённости. "Не судите, да не судимы будете".

— Отец Ианнуарий попытался разъяснить всё это подробнее, но я остановил его, так как ответ в его лаконичной форме мне показался достаточным.

— А что такое "покаяться в грехах" и "отпущение грехов"?

— Покаяться - значит высказать это ощущение вины, а отпустить грехи - выслушать и пожалеть кающегося.

— А что такое "ересь"?

— Гордое толкование мест писания, противоречащее церковному.

— Ты подчёркиваешь здесь "гордое"? Это важно?

— Именно гордое, а не просто противоречащее. Как личность ты имеешь право на любое мнение, но обязан оговаривать, что это твоё личное мнение. Если же ты выдаёшь своё мнение, не согласное с церковным, за истину, толкователем которой считает себя церковь, то ты впадаешь в ересь. Ну, сам посуди. У тебя дома есть семейный альбом. Там фотографии, которые делали твои предки и их знакомые, а потом ты и твои знакомые. Ты знаешь, кто изображён на этих фотографиях, когда это было, и вот приходит совершенно посторонний человек и начинает самоуверенно комментировать эти фотографии, считая, что ему достаточно имеющихся изображений для того, чтобы сказать - это вот тот-то, и занят он тем-то, и было это тогда-то. Ты просто посмеёшься над ним. А если он утащит альбом и станет убеждать других в правильности своих толкований? Так и писание. Оно создавалось в лоне церкви, церкви же только и толковать его. Кстати, о противоречиях, которые встречаются в Библии. Разве не неизбежны они при устном изложении преданий? Ведь записывалось всё позже, а исправлять нельзя - можно внести ещё большую ошибку.

— Разговор перешёл на тему традиции. Отец Ианнуарий прочёл несколько первых страниц своего доклада для какой-то конференции на эту тему и восторженный отзыв Аверинцева об этом докладе. (И подарил мне экземпляр текста на немецком языке: Hieromonch Januarij (Iwljiew). DIE ROLLE DER TRADITION UND DER AUSDRUCK DES GLAUBENS IN DER WELT HEUTE.)

— От традиции и новаторства перешли к соотношению рационального и интуитивного в познании. Ставя в аналогию первому зрение, второму обоняние, я утверждал, что нельзя отдать предпочтение первому или второму как способу познания, это зависит от развития соответствующих органов у личности. Вот у меня, например, с обонянием совсем слабо, а Сашеньку всюду запахи преследуют, она цветы обожает из-за запахов и не терпит прокуренного воздуха, я же этого всего не замечаю. Да и невозможно поставить чёткую границу между рациональным и интуитивным, с чем соглашался и отец Ианнуарий.

— Я спросил о миссионерстве - в Калининградской области ведь нет ни одной церкви!

— Запрещено законом, хотя двадцать человек в принципе могут просить у государства помещение в аренду для проведения культовых мероприятий.

— Но кто им практически это позволит, тем более в области, которая гордится своим показателем - ни одной церкви?

— Потом Лариска спросила отца Ианнуария:

— - Когда можно окрестить Антона (её сына, второклассника)?

— - В любое время, - ответил отец Ианнуарий. - Кстати, у нас сейчас возрождается институт оглашенных и соответствующий обряд оглашения, предшествующий крещению. Что такое огласить? А это и значит огласить своё намерение креститься. В старину, ещё до императора Константина, когда христиане преследовались, оглашение играло роль некоего испытания - не побоишься ли ты, истинно ли веруешь. Ныне, когда религия у нас не в почёте, в этом, видимо, тот же смысл, хотя и нет никаких преследований верующих...

— Тут я вдруг задал вопрос, часто возникающий у меня в мыслях, но который вначале я не собирался задавать:

— - А как же со мной-то быть, отец Ианнуарий? Если меня спросят - атеист ли я? - я искренне отвечу, что нет. А если спросят - верующий ли я? Увы, и тут я не смогу дать утвердительный ответ. Какой же я верующий, хоть и крещён в православии - крестик не ношу, в церковь не хожу, молитв не знаю, а главное - откровение Божие на меня не снисходит, хотя в религии христианской я ощущаю много для себя ценного.

— К этому моменту мы уже опустошили бутылку водки, съели всю закуску и доканчивали коньяк, причём Лариска за весь вечер выпила не больше ста граммов коньяку.

— На мой вопрос отец Ианнуарий отвечал, что эту раздвоенность он переживал в своё время сам, стал рассказывать об одном своём воспитаннике (семинаристе или студенте), который тягостно переносил многие ограничения церковной жизни, не хотел петь в хоре, ссылаясь на отсутствие слуха, и как он его перевоспитал ему же потом в удовольствие.

— - Это я всё понимаю, - отвечал я. - Но это не для меня, я-то уже не мальчик, мужик старый, скоро дедом стану, к тому же отупел я эмоционально. К музыке не тянет, в церкви благоговения не ощущаю. Разве что на рыбалке ещё трепещу от красоты какого-нибудь заката или восхода, от глади речной. Вон сегодня по Русскому музею ходил, от жары прятался перед встречей с Сашкой Шабровым, технику живописи интересно было рассматривать, а перед картинами - не трепетал. Там студенты какие-то копии снимали, так видел, где врут, где поправить нужно, а сами картины - не волновали. А помню, в детстве-то - "Медный змей" - я неделями его потом вспоминал! У меня какой-нибудь живой человек на улице или в трамвае скорее может эстетическое чувство вызвать - девушка там, или парень молодой, или старик...

— - Да не мучайся ты, Сашок! Ты человек умный, всё у тебя хорошо, поступай как велит тебе совесть, сам же знаешь, что хорошо, а что плохо. Об остальном не переживай: что надо, то приложится.

— Я стал возражать:

— - Сам же меня учил в письмах, что религия не сводится к морали, а теперь всё сводишь к моральным нормам.

— - Но в практической жизни это главное.

— - Средство спасения?

— Тут алкоголь начал уже сказываться, языки наши стали заплетаться, и Лариска потащила меня на вокзал дабы не опоздать на последнюю электричку.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)